

Серия
NON-FICTION

Серия
NON-FICTION

Виталий Хальпуков

**АНГОЛА – СССР:
ДРУЖБА И ЗАБВЕНИЕ**

Москва
Интернациональный Союз писателей
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Х17

Составитель серии Елена Наливина

Хальпуков, Виталий

Х17 Ангола – СССР: дружба и забвение / В. Хальпуков. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2020. – 152 с. – (серия NON-fiction).

ISBN 978-5-907350-68-7

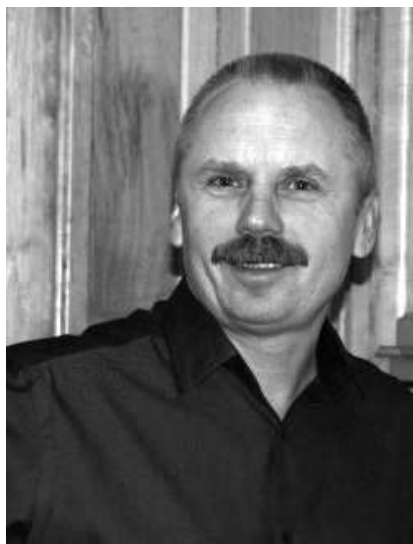
26 декабря 1991 года исчезло государство СССР – сильнейшая в мире империя с огромным политическим, экономическим и военным влиянием. Автор издания считает, что уничтожению государства способствовал человеческий фактор.

Издание в большей степени посвящено воинам-интернационалистам, проходившим службу в конце 1990-х гг. в Республике Анголе, чем рассмотрению причин крушения колыбели мирового коммунизма.

Предназначено для широкого круга читателей, адресовано аудитории всех возрастов.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-907350-68-7 © В. Хальпуков, 2020
© Интернациональный Союз писателей, 2020

Виталий Хальпуков

Выпускник Минского государственного педагогического института иностранных языков. Окончил аспирантуру по специальности «социальная философия» при Национальной академии наук Беларуси (Институт философии).

Много лет проживает за границей. Работал переводчиком в Африке, долгое время находился в Латинской Америке. Более пятнадцати лет живет в США. В 90-е годы неоднократно посещал разнообразные страны Европы.

Подробное изучение социально-политического устройства разных государств помогает автору отмечать схожие и отличительные черты определенных обществ. В своих книгах автор делится с читателями персональной точкой зрения в отношении данного вопроса.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Дамы и гос-с-спода!» – приятным голосом стюардесса сообщила, что наш самолет приступил к снижению и через двадцать пять минут совершит посадку в аэропорту Шереметьево-2.

Буквально мгновение спустя нас начало потряхивать. Казалось, что тяжелый воздушный лайнер неторопливо пробивался сквозь плотный слой облаков, которые нехотя расступались под тяжестью грузной машины. В это время окна с внешней стороны самолета заволокло бело-дымчатой пеленой, и стало невозможно наблюдать за красотой просыпающегося неба.

Пол уходил из-под ног, крен увеличивался, и, пытаясь сохранить равновесие, я еще больше вжался в узкое пассажирское кресло.

Удовольствие не из приятных – находиться в закрытом пространстве облачного смога на высоте тысяч метров над землей. Возникает ощущение, что в данный момент твоя жизнь всецело зависит от внешних сил, которые тебе не подчиняются и даже не обозримы. Чувство тревоги сразу же исчезает, как только самолет выныривает из облачного плена и в салон начинает проникать свет.

В Шереметьево-2 я прилетаю довольно часто, и каждый последующий раз похож на предыдущий: погранзона, таможенный контроль и ожидание у багажной ленты своего чемодана, потрепанного в путешествиях.

В этих поездках не происходит ничего необычного, они не запоминаются. Лишь иногда в памяти ненадолго запечатлевается какая-либо неординарная ситуация, имевшая место в дороге.

Так, однажды меня рассмешила служащая паспортного контроля, начавшая озвучивать версии моих частых визитов

в российскую столицу. Но такие разговоры, исключительные для подобных мест, случаются крайне редко. Обычно в пограничной зоне все настолько строго и официально, что я только успеваю давать прямые, короткие ответы на вопросы государственных служащих, еще более лаконично сформулированные.

К Москве я испытываю особое чувство. Оно не изменилось ни за годы перестройки, ни в постсоветское время. Для меня Москва по-прежнему родная, как, в сущности, и вся Россия. Внутренне мне как-то трудно принять новое мироустройство постсоветских государств, хотя прекрасно понимаю, что случившееся с СССР уже не вернуть обратно. Однако мне не хочется верить, например, в то, что мой родственник, житель Москвы, сейчас является гражданином иностранного государства.

Я такой не один. В этом убеждаюсь всегда, когда случай сводит меня за границей с каким-нибудь человеком из бывшего СССР. Вне зависимости от национальности и места проживания моего временного знакомого общаемся мы, как правило, по-землячески, как будто продолжаем оставаться жителями единой страны, словно не было никогда развала СССР. Так будет продолжаться до тех пор, пока у бывших советских народов сильна память об их исчезнувшей империи. Память – это то, что невозможно отнять у человека никакими политическими решениями.

Конечно, есть среди граждан постсоветского пространства и те, кто рад распаду некогда мощного государства, ведут они себя обычно демонстративно обособленно и при случае или без такового подчеркивают свою национальную идентичность.

Не замечать их нельзя, но процент подобных людей в сравнении со всем постсоветским населением гораздо меньше.

И это несмотря на то, что долгие годы в средствах массовой информации не прекращается критика исчезнувшего советского государства, которая началась с приходом к власти в СССР М. С. Горбачева и продолжается на протяжении всех постсоветских лет.

Сильна она и в наше время, когда, кажется, можно было бы расслабиться и не оборачиваться так часто назад. Но подобного не происходит в связи с тем, что с умерщвлением СССР не удалось уничтожить память о его существовании. Трудно убедить людей даже в условиях оставшегося однополярного мира, что государство, в котором они жили, было антисоциальным. Особенно нелегко это сделать при нищете многих семей, существующей в современных постсоветских республиках. Простые люди воспринимают жизнь «на ощупь», а не по идеологическим клише с известными нам «измами».

В настоящее время, если быть кристально честным, как никогда раньше заметны негативные последствия исчезновения мощного государства для народов, когда-то его населявших. Их влияние и положение в мире в составе СССР было несравнимо более значимым, чем сейчас. Когда Россию, самую большую республику из прежнего Союза, обозвали «региональной» страной, имели в виду именно тот уровень экономической мощи, который у нее есть в настоящее время и который не позволяет ей больше претендовать на роль главного игрока в формировании международной политики, что имело место раньше.

Нельзя сегодня не замечать и того, что современный мир находится в полушаге от начала ядерной войны и экономика всех бывших советских республик, несмотря на почти тридцать лет свободных рыночных отношений, пребывает в нехорошем состоянии. Не верится, что совсем недавно,

каких-то неполных тридцать лет назад, нынешние бедные независимые государства, будучи в составе СССР, пугали развитые капиталистические страны темпами роста именно своих экономик. По экономической мощи СССР уступал только США.

Исчезновение СССР запомнилось миру как событие эпохального исторического значения, положившее конец распространению коммунистической идеологии на планете, а для нас, граждан той страны, это было крахом государственности, почти полной потерей позиций экономики и достижений общей истории.

Россия, укреплявшая свою мощь на протяжении столетий и впервые ставшая одной из двух ведущих мировых империй, развалилась на части, совершив политический суицид. Такого в мире не было еще никогда!

Особенно странным это государственно-политическое самоубийство выглядело на фоне глобализации, происходившей повсеместно, когда каждая страна стремилась войти в какой-нибудь блок, выгодный для себя: экономический, политический или военный.

Трагедия, произошедшая с Советским Союзом, отрицательно отразилась на будущем всех его пятнадцати республик, отбросив их в далекое прошлое, из которого каждой пришлось выбираться уже самостоятельно.

Удивительно, но обновленный московский аэропорт, который сейчас намного красивее, просторнее, комфортнее для авиапассажиров, чем несколько лет назад, не представляется мне таким близким и родным, как его старое здание со слаборазвитым сервисом. Может быть, потому, что тот, прошлый, аэропорт был последней запомнившейся мне картинкой из прежней жизни. Тогда я мечтал о карьере военного, которая так и не состоялась. Моя память очень бережно хранит все, что происходило в тот день почти тридцатилетней давности.

Тогда в Москву из загранкомандировок прибывали оставшиеся советские военные. Это возвращение было каким-то хаотичным, организованным совсем не по-военному. Известный бардак в период правления страной М. С. Горбачева дошел и до армии – самой серьезной, дисциплинированной структуры государства. Последняя зашаталась, забилась в конвульсиях, как и другие министерства, от абсурдных и непродуманных решений верховной власти. Никогда мне не забыть, как встречавший нас в аэропорту полковник из 10-го Управления ГШ ВС СССР развел руки в стороны, когда мы спросили его, что же все-таки происходит в стране. «Никто не знает, – ответил он и растерянно добавил: – Горбачев принимает решения относительно армии без детального согласования с военным ведомством. В результате Министерство обороны с трудом успевает реагировать на его указания. Офицеров, согласно требованиям Горбачева, возвращают в страну из загранкомандировок, но у кадровиков нет заранее подготовленных планов по их дальнейшему распределению в другие воинские части».

В глазах встречавшего нас полковника, как и в тоне его голоса, чувствовалась усталость, которая внешне выражалась полным равнодушием к тому, о чем он говорил. Глядя на этого старшего офицера, можно было предположить, что эмоции давно его покинули. Наверное, ему приходилось каждой группе прибывающих военных отвечать на вопрос, ответа на который он не знал, но, будучи в курсе внутриштабных разговоров, предвидел серьезные проблемы в армии.

Вскоре после возвращения из-за границы я прочитал очень сердитую статью нашего военного переводчика, проходившего раньше службу в Анголе, о том, что военное министерство держит офицеров как бы на привязи, «за шта-